

П. В. Седов

**«Аргмаки в чести,
и нашу братью выносят в честь»**

(конюшня московского придворного XVII в.)

В последнее время общее внимание к церемониальной стороне придворной жизни усилило интерес к теме конского выезда при московском дворе XVII в.¹ Конский выезд государей и подражавших им придворных был демонстрацией определенного статуса, что уже указано в литературе². В чем был смысл подобной демонстрации и как его воспринимали современники (русские и иностранцы)? Ответ на этот вопрос и составляет предмет данной статьи.

Источники как русского, так и иностранного происхождения отмечают повышенное внимание русской знати к внешнему виду верховых лошадей и возников, но поведение всадника оценивают неодинаково.

В описи имущества воеводы окольного М. И. Татищева, убитого в Новгороде в 1609 г., находим подробные сведения о его лошадях. Михаил Иванович служил ясельничим при царе Федоре Иоанновиче (1584–1598) и знал толк в хороших лошадях. Двух самых дорогих коней М. И. Татищева забрал себе воевода князь М. В. Скопин-Шуйский: «Жеребец аргамачей, сер, грузинской, грива направо, на правом же окороку пятно грузинское, 10-ти лет, цена 65 рублей; <...> жеребец аргамачей бур лыс, грива направо, исподняя губа бела, задние ноги в полголени белы же, по обе стороны подпарины, на горле 2 тавружины литовские, 13 лет, цена 40 рублей». Лошади действительно редкие, что видно уже по высокой цене, а второй жеребец обладал еще и ценным окрасом задних ног. Конь немного дешевле достался воеводе С. В. Головину: «Жеребец русских

кобыл, ворон, скороглаз, грива налево с косою, во лбу звезда, верхняя губа чубара, на спине да блиско лопатки бело, ноги все белы, задние в полголены, а передние на счотки, 11 лет, цена 30 рублей». Этот жеребец был дан С. В. Головину по приказу князя М. В. Скопина-Шуйского «до Москвы без денег, для того: отпустил ево из Новагорода князь Михаило Васильевич к государю к Москве с немецкими ратными людми; и Семен сказал, что ратные лошади у него нет, при немцах сесть не на што»³. Трудно предположить, чтобы у воеводы вообще не было коня. Речь шла о пригодной к бою и одновременно представительской лошади, достойной знатного человека, чтобы на нее не стыдно было сесть «при немцах», у которых кони были крупнее московских.

Служивший в России француз Жак Маржерет со знанием дела описал лошадей Московского государства начала XVII в. и их типы: ногайских лошадей «называют конями», «они невысокого роста, выносливы, но пугаются огнестрельного оружия, их цена была около 20 рублей. Грузинские лошади редки, они красивы, но менее выносливы, чем нагайские. Польских и турецких лошадей именуют аргамаками, это дорогие лошади в 50–100 рублей. Местных лошадей называют меринами, они маленькие, быстро оббегают и долго служат»⁴.

Польский шляхтич Самуил Маскевич обратил внимание на стремление русской знати начала XVII в. всячески украсить свой выезд: «Боярин, выезжая из дому, садится в сани, запряженные в одну рослую, по большей части белую лошадь, с сороком соболей на хомуте. Правит ею конюх, сидя верхом, без седла. Сани выстилаются внутри медведем, у богатых белым, у других черным. О коврах не спрашивай. Санные передки обыкновенно делаются, для защиты от грязи, так высоки, что из саней едва можно видеть голову конюха, сидящего на лошади. Множество слуг и рабов провожают боярина: одни стоят на передках, другие посредине, боком к нему, а некоторые сзади, прицепившись к саням»⁵.

Дорогой, обладающий редкой расцветкой конь обладал исключительной ценностью для придворного. В 1653 г. царь Алексей Михайлович посетил подмосковную вотчину боярина князя Н. И. Одоевского. В собственноручном письме царь сообщил князю Никите Ивановичу, что сыновья боярина подарили высокому гостю коня: «И я молвил им: “По толь я приезжал к вам, что грабить вас?” — И он, плачучи, да говорит мне: “Мне-де, государь, тебя не видать здесь; возмите, государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и нас, нам же и до века такова гостя не видать”. И я, видя их нелестное прошение и радость несуменую, взял жеребца темносера. Не лошадь дорога мне, всего лутчи их нелицемерная служба и послушанье, и радость их ко мне, что они радовалися мне всем сердцем. Да жалуючи тебя и их, везде был, и в конюшнях, всего смотрел, во всех жилищах был, и кушал у них в хоромех»⁶. Для подарка царю князь Одоевские выбрали коня серой масти, различные оттенки которой считались наиболее представительными. Посещение конюшни было естественной частью приема дорогого гостя, завзятым лошадиникам здесь было о чем поговорить.

Служилого человека оценивали по его коню. Около 1661 г. московский дворянин Н. В. Кафтырев жаловался брату: «Лошадьми, государь, гораздо у меня нужно и мало: без меня русския и нагайския в деревнях перевели. А что ты, братец, прислал сер конь нынешнего лета, сказывали и нарочит был, и он пал». Н. В. Кафтырев просил прислать ему в Великий Устюг лошадей: «Пожалуй нарочитых вели выменить и иноходцов, чтоб самому было на что сесть». Далее он пояснил, почему ему вскоре потребуется особенно хороший конь: «Появлюся на Москве, не положат, с приказу-де приехал, таких изыскивают»⁷. То есть по возвращении в столицу все будут смотреть («изыскивать»), на каком же коне возвращается домой с прибыльного назначения («с приказу») Никита Васильевич Кафтырев. «Нарочитый» конь должен был показать, что служба была успешной.

В мае 1661 г. в Москву прибыло посольство австрийского императора. Посол барон Августин Мейерберг с нескрываемым высокомерием описал облик русских придворных, которых воспринял как восточных вельмож: «Вседневная одежда москвитян, даже и знатных, не расстроит очень состояния». Зато в торжественных случаях «вся ценная добыча с ободранных зверей, все произведения в драгоценных камнях богатого Востока, все приношения в жемчужных раковинах Эритрейского (Черного, или Красного. — П. С.) моря, всё это москвитяне, обвешанные крест-накрест по плечам тяжелыми золотыми цепочками, чванливо выставляют напоказ из самой пустой пышности на ферязях и шубах, которые никогда не выходят из моды по неизменному своему покрою и передаются для долгой носки внукам»⁸.

Описывая внешний вид царедворцев, немецкий аристократ обратил особое внимание на коней, о которых отозвался с одобрением, хотя и не оставил прежнего высокомерного тона: «Лошади в употреблении у них татарские, которых ногайцы каждый год присылают до 40 тысяч на продажу в Москву, да и по сходной цене. При осмотре лошадей они не обращают никакого внимания на таких, которые с жирным животом, тощи телом, с толстою шеей и высокой головой, ежели в пользу их не говорит их резвость, выносливость работы и голода. Однако ж знатные люди не имеют недостатка в персидских лошадях, да как наденут на них самую нарядную сбрую и выедут на какое-нибудь общественное торжество, то и сами тогда бывают загляденье. Но так как нет у них учителей верховой езды (берейторов), и красивая, или искусная, поступь неизвестна ни лошади, ни кому-либо из всадников, то считают всего для себя славнее вдруг погонять лошадей во всю прыть или заставлять их делать безобразные и во все неискусные скачки, чтобы тряслись и брэнчали от их движения серебряные из больших колец цепочки, украшающие их в виде других уздечек, да и звенели привязанные над копытами у них колокольчики, заставляя думать, что они звонконогие. Это-то часто и было причиною некоторого развлечения для нас во всё время самой скучной остановки в предместье. Потому что очень забавно было смотреть, когда то тот, то другой из знатнейшего русского дворянства, все в разной одежде, подъезжал к нашей карете и, не отдавая нам никакой чести,

словно павлин, развертывал всю пышность своего хвоста, показывая нам свою шубу на собольем меху, самом дорогом по черноте, густоте и длине волоса, и поворачивал ее то тем, то другим боком, с помощью слуг, распахивавших ее точно хламиду; либо заставлял безобразно скакать свою лошадь в сбруе, в цепочках, опутанную колокольчиками и, благодаря потрясению от этих скачков, представлял ее нашим глазам со звоном, во всей ее целости»⁹.

В этом пространном отзыве А. Мейерберга заметно пристрастное неприятие обычаев далекого для него восточного народа московитов. В вольтижировке встречавших его всадников он не заметил желаний наездников иметь редкого коня, хотя источники русского происхождения свидетельствуют об обратном. Правда, немецкий барон не смог не признать, что московские придворные на своих персидских конях «бывают загляденье», но в целом он не считал обычаи местной знати достойными уважения, находя в них в лучшем случае занятную диковину, дорогое, но безвкусное украшение варварского народа. Отсутствие «искусной поступи» лошади А. Мейерберг воспринимал как недостаток всадника. С точки зрения германского аристократа истинное достоинство наездника выражается не в стоимости коня и не в богатстве его убранства, а в умении благородного человека овладеть природой лошади, подчинить ее своей воле и, тем самым, продемонстрировать уникальные качества собственной личности.

Ту же встречу немецкого посольства 1661 г. наблюдал польский шляхтич Михаил Обухович, который внимательно осматривал каждую конную сотню: вот «царские сокольники, которых было две хоругви, их вел Артемон Сергеевич (Матвеев) — стрелецкий голова, одетый в платье из драгоценной парчи, и конь его был также убран богато; перед ним вели несколько превосходных и богато убранных коней». Затем следовала сотня чарошников, «их было человек сто, одетых богато и великолепно; лошади же их были убраны не менее пышно. За ними шли “жильцы”, <...> их было восемь хоругвей, и сами были одеты красиво и лошади хорошие. За ними (шли) дворяне, которых было шесть знамен. За дворянами — стряпчие, которых считалось семь хоругвей. Все они были люди из хороших домов, одетые довольно богато и на красиво убранных конях. За ними следовали царские стольники, которых было семь хоругвей. Они были одеты в богатые великолепные парчи, на превосходных конях, украшенных дорогими седлами и покрытых чепцами. Их было довольно большое количество. <...> За ними ехал думный дьяк Задоровский (Заборовский. — П. С.), в куньем шлыке, в парчовой надежде, на богато убранном коне. За ним государские «комнатные», то есть приближенные (которые служат) в покоях; все люди знатных родителей — их было до двадцати человек. Все они были одеты весьма богато, и кони их были убраны пышно»¹⁰. Заинтересованное и детошное описание польского шляхтича лишено какого-либо высокомерия по отношению к обычаям московского двора. Примечательно, что отзыв о каждой из сотен царедворцев неизменно включал замечание об их лошадях как важнейшей части экипировки.

Побывавший в Москве уроженец Курляндии Яков Рейтенфельс так отозвался о смотре московского двора в сентябре 1670 г.: «Богатое убранство солдат, бывших на этом смотре, хотя и уступало в изяществе убранству, употребляемому в Европе, но зато превосходило его дороговизною тканей и азиатскою роскошью. Все зрители с изумлением останавливали взоры на всадниках, из которых исключительно состояло всё это войско, не только из-за их блестящего разнообразного оружия, но и вследствие красивого вида их одежд. За каждым из них вели разукрашенных коней, без седоков, а в поводу, в сопровождении многочисленной свиты рабов. У коней не только грива, шея, голова, ноги и копыта блистали серебром, золотом и драгоценными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники и чепраки были до того отягчены драгоценностями, что лошади насилу могли двигаться». По мнению Я. Рейтенфельса, москвиты учились верховой езде не для красивой выездки, а для войны: «Упражнением в верховой езде и стрельбе из лука они занимаются весьма усердно, так как это часто бывает им нужно». Иноземный обычай ездить в каретах широкого распространения еще не получил: «Весьма немного лиц ездят в красивых, чужеземного изделия, крытых каретах на 4-х колесах, во-первых, потому, что царь не всем дозволяет это, а также и потому, что считается неприличным для мужчин ездить в повозках»¹¹.

При подготовке описанного Я. Рейтенфельсом смотра 1670 г. в официальной разрядной записи впервые использовано новое именование московских чинов — «царедворцы», которое в XVIII в. станет обычным для обозначения придворных. Формирование придворного общества, особенно заметное в России с 1670-х гг., выражалось в том, что близость к царю становилась важнее родовитости и богатства, точнее, богатым и знатным становился или оставался тот, кто прислуживал царю или наследнику в покоевых палатах. Выдающееся значение приобрели специально предназначенные для этого чины: комнатные стольники (спальники) и стольники царевичей¹².

В этих условиях внешние признаки придворного успеха приобретали исключительно большое значение. В 1671 г. отец нареченной царской невесты Натальи Кирилловны Нарышкиной был вызван в Москву из Смоленска. Кирилл Полуектович имел тогда скромный чин стрелецкого головы, но за ним уже была прислана царская карета с лошадьми. Отъезжая из Смоленска, К. П. Нарышкин озаботился внешним видом экипажа и купил «масло на натирку государевым лошадям». По дороге будущий царский тесть велел оставить одну из лошадей, которая была крива на правый глаз¹³. Отец царской невесты хотел выглядеть вельможей, кони которого должны вызывать уважение и восхищение, а не насмешки.

В том же году стольник наследника престола царевича Федора князь М. Я. Черкасский приобрел в Архангельске шестерку вороных немецких мерин. По дороге в Москву одна из лошадей заболела и была оставлена на поечение вологодского архиепископа. Хозяин просил вологодского владыку

прислать ему оставленную лошадь после ее выздоровления: «А она мне конечно нужна, потому что куплена с ыными лошадьми в прибор в корету, и те лошади той покупки за тою одною и до ныне в корету не впрягутца»¹⁴. Князь М. Я. Черкасский был одним из самых богатых землевладельцев страны и приобрел исключительно дорогой выезд, в связи с чем он не мог позволить местной кобыле испортить великолепное впечатление от шестерки немецких вороных, которые должны были везти его к придворному успеху. Как увидим далее, запрягать в карету шестерку лошадей считалось для придворных, даже для бояр, претензией на исключительное положение. Поэтому не только стоимость иноземных коней, но и их количество у молодого, хотя и богатого стольника, могли рассматриваться недоброжелателями как дерзкий вызов.

Семейная переписка стольника князя Петра Ивановича Хованского 1675–1676 гг. позволяет установить, как много внимания он уделял своим лошадям. Их высокая стоимость, в особенности тех, на которых ездил сам знатный стольник, объясняла постоянную заботу о них, поскольку ненадлежащий уход приводил к значительным убыткам и потере редкого коня, предназначенного для парадного выезда.

Князь П. И. Хованский был землевладельцем средней руки¹⁵, и пока он нес службу на Дону (1675–1676), его жена вошла в долги. В письме к супруге князь Петр Иванович не велел продавать какие-то особенные ожерелье и серьги жены и обещал по возвращении домой продать «своего седла две лошади или три, так-то и окупится, а с мою нужу лошадей ещо останется: теперьво у мене моего седла пятнатцать лошадей, и худая лошадь рублев в сорок. И Бог даст мне здоровье, приехав, переберу, котория будет продать, а то оне все перестареются же, себе же оставлю с нужу свою». Далее князь велел беречь лошадей, которых он уже прислал с Дона: «...а наипаче вели беречь бураго большого коня, чтоб как его не испортили: конь молодой, чтобы он не зашибся или не запалился»¹⁶.

Отправляясь на опасную службу в Крым, князь Петр не откликнулся на просьбу жены прислать оттуда коней, полагая, что ему они будут нужнее. «А есть ли буду я на Москве, и я, Бог видит, и за лутчую лошадь не постою»¹⁷, — писал он домой, т.е. был готов продать самую лучшую из них, чтобы расквитаться с долгами.

Весной 1676 г., возвращаясь после донской службы в Москву, князь П. И. Хованский отправил наперед себя своих лучших лошадей с наказом оставить на столичном дворе «солового жеребца, да темносерова коня, да полова коня, да дву санников», а остальных отослать в подмосковное имение. Далее князь Петр Иванович наставлял жену, куда поставить коней, где взять для них сена и овса и заклинал: «Для Света Христа не помори, чтоб серой конь ис тела не выбился. А темносерой конь — князь Андреев, а половой — князь Михайлов. А я остался толко душой да телом»¹⁸. Знатный стольник заботился о своих лучших лошадях и по весенней бескормице возвращался в Москву на более дешевых.

В царствование Федора Алексеевича (1676–1682) значение конского выезда в придворной жизни заметно возросло благодаря страстному увлечению этого государя лошадьми¹⁹. Придворные стали тратить на приобретение лучшего выезда больше денег, и цены на «нарочитых» лошадей и богато украшенные на польский лад кареты взлетели вверх. С этого времени характерная для московского двора восточная пышность стала сочетаться с некоторыми элементами западных обычаев.

В мае 1678 г. член польского посольства Бернгард Таннер с любопытством рассматривал русский двор, приветствовавший послов на окраине Москвы: «Военачальники верхом на статных конях, на богатых персидских седлах представляли большое разнообразие одежд и убранства и красою и величием превосходили один другого. <...> Мы проехали уже три четверти мили, когда встретили царских спальников в богатом наряде, мчавшихся на роскошно убранных иноходцах. Сознаюсь, что мне не под силу описать, как следует, убранство их, разнообразие одеяний и прочее великолепие всей этой вереницы — необычайную их пышность, красу и блеск можно разве вообразить! Впрочем, расскажу, как сумею, что в изумлении я увидел. На них ловко сидели красные полукафтаны, а другие вроде длинного плаща были накинута на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем; они называют их ферязями. На каждой ферязи, на груди, по обе стороны виднелись розы из крупных жемчужин, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину. Блиставшие на солнце камнями, золотом и серебром шапки придавали еще больше красы этой веренице и без того нарядных спальников. Сбруя тоже была великолепна: справа и слева от удила до передней седельной луки, в виде полукруга, имели они серебряные, а иные так и золотые, испещренные разными узорами цепи, толщиной в три пальца, заставляя коней привскакивать от их бряцания; приятный их звук производили они и с помощью имевшихся в их руках хлыстов. Конские ноги украшались подковами, тоже производившими звук от привешенных к ним серебряных цепочек, и дорогими наколенками (*monilia*). Словом, весь отряд их (думается, было их до двухсот) так и горел, как жар, своим светлым убранством. Довольно долго гарцевали они так друг перед дружкой, потом с утомленных коней пересели на других в еще более пышной сбруе и начали — удивительно сказать! — не касаясь земли, перескакивать с одного седла на другое, выказывая такую ловкость, что все в изумлении залюбовались на их искусство». Затем, по словам очевидца, «с большим шумом подъехали москвитяне, незаметно ударяя коней, чтобы они больше играли и ржали; все, посланные, как я сказал, нам на встречу, приближались по одиночке к карете послов, отдавали почтение»²⁰. В 1678 г. перед польскими послами царедворцы делали то же самое, что и перед императорскими в 1661 г. Однако то, что вызвало презрительный отзыв А. Мейерберга, нашло восторженный отклик в душе члена польского посольства.

Летом 1678 г. Б. Таннер видел, как царь Федор Алексеевич проехал мимо него со свитой в подмосковное село: «...впереди вели 18 под богатейшими седлами коней; за ними следовало множество придворных, все без шапок; наконец ехал сам царь верхом на прекраснейшем коне. <...> И это был неофициальный выезд царя, который величие свое заявляет не как иные монархи, толпою царедворцев, а больше всего роскошью одежд и красотой коней»²¹. Уже знакомый с внешним видом русских придворных, Б. Таннер позволил себе сделать общий вывод об особенностях царского двора, который отличался от западных соседей восточной пышностью: богатство одежд и стать лошадей более всего выражали представление о власти и могуществе. А. Мейерберг и Б. Таннер одинаково видели в москвитях восточных варваров, только немецкий барон отзывался об этом высокомерно, а польский шляхтич с некоторой завистью к показному богатству знати соседней страны. В общей массе великолепных всадников им было трудно заметить, как каждый из них старался выделиться особой статью коня и его редкой мастью.

Ежегодно в августе в Москву пригоняли для продажи нагайский табун. Накануне богомольного шествия к Троице в сентябре 1677 г. царь Федор Алексеевич пожаловал тем своим спальникам, которые были менее богаты, — П. С. Хитрово, В. Д. Мясному, И. Б. Яковлеву — по 30 рублей «в приказ на покупку табунных лошадей»²². Такова была приблизительная стоимость коня, на которого было не стыдно сесть близкому к государю, но не самому богатому придворному.

О том, с какой требовательностью спальники подходили к подбору лошадей для парадных шествий, узнаём из семейной переписки боярина князя В. В. Голицына. Сын князя Василия Васильевича — князь Алексей еще только осваивался на придворной службе: 17 апреля 1677 г. его пожаловали в спальники, а 28 августа того же года он писал из Москвы отцу: «...промысли мне инохотчика, на чем мне за государем в походы ездить, а то не на чем, государь, ездить за государем; <...> государь идет к Троицы, и ко мне, государь мой, отпиши, какое мне платье зделать, а у меня, государь батюшко, ни сабли хорошинькой, ничево нет, в чом мне ехать»²³. Разумеется, речь в письме шла не о том, что у княжича нет коня, сабли и нечего одеть, а о том, что нет «хорошинькой» сабли. Княжий отрок был озабочен подбором особенной одежды и иноходца для парадного выезда за царем к Троице, он находился перед волнующим его выбором и спрашивал совета отца.

Собираясь в поход за царем, спальник князь А. В. Голицын думает о своем внешнем виде, включая платье, коня и оружие. Значительные траты на снаряжение придворного предполагали заботу о том, как будет смотреться дорогое платье на коне определенной масти. Придворный старался создать наиболее выигрышное общее впечатление и должен был опасаться смешного несовпадения масти лошади и цветов своей одежды.

Ценным источником для изучения лошадей в повседневной жизни московской знати является публикуемая ниже домовая опись конюшни боярина кня-

зя Василия Васильевича Голицына 1679 г. (см. Приложение). Она сохранилась среди документов Разрядного приказа, куда попала вместе с другими бумагами из дома боярина после его опалы в 1689 г. Среди других документов семейного архива князя можно указать «Книгу записную платью», составленную Григорием Шеншиным 15 июля 1678 г.²⁴ Опись одежды появилась в дни отсутствия хозяина, выступившего летом того года в чигиринский поход. Против большинства описанных предметов одежды были выставлены пометы: «есть», «нет», «отставлен».

Описание конюшни князя В. В. Голицына было проведено летом 1679 г., когда боярин находился в Москве²⁵. Опись лошадей, как и одежды, имеет более поздние приписки. Начало составления документа относится к июню 7187/1679 г., а на л. 5 сделана более поздняя запись: «В прошлом во 187-м году августа в 22 день куплены в табуне».

Лошадей описывали по масти и указывали обстоятельства их приобретения («где у ково куплены»). В документе указаны три источника пополнения боярской конюшни: купленные в табуне («прошлого 186-го году табунные нагайские»), приобретенные у частных лиц («шереметевской», «головинской», «трубецковской», «резанской попа Родиона», «одинцовской», «давлетеевской», «ромодановской», «лыковской», «присылки из Астрахани Федора Петровича Салтыкова», «хованской» «леонтьевской», «князь Ивановской» и пр.) и выращенные в своем хозяйстве («домашние»).

В описи учтены 139 лошадей: 40 коней, 61 мерин, 13 иноходцев, 15 кобыл и 10 жеребцов. Первым среди них описан «конь сер с серьгою шереметевской». Только он, согласно описи, имел серьгу в ухе и, вероятно, был любимым конем боярина. В его конюшне самой распространенной была наиболее престижная серая масть: всего серых, темно- и светло-серых, серо-пегих было четырнадцать коней и иноходцев.

Трудно сказать, размещались ли все описанные кони на московском дворе боярина или некоторых из них могли держать, хотя бы время от времени, в подмосковных владениях. Но значительная часть лошадей должна была постоянно находиться на городской усадьбе, поскольку одновременно использовалась для верховой езды боярина, его сына, многочисленной свиты, запрягалась в кареты хозяина и его супруги, использовалась для перевозки дров, воды, продовольствия и прочих запасов. Сын князя Василия Васильевича княжич Алексей имел «своего седла»: трех мерин, четырех коней и шесть иноходцев. За доверенным человеком боярина («что за делами ходит») — Матвем Боевым — был закреплен карий мерин, на кауром мерине ездил «карла». Представительный конный выезд боярина, а также его слуг демонстрировал знатность, богатство и высокий придворный статус вельможи.

В следующем 1680 г. боярин князь В. В. Голицын торжественно прошествовал перед государем со своей «службой», выступая воеводой Большого полка в поход на южную границу. Восемнадцатого апреля «под переходы» между

патриаршим двором и Чудовым монастырем прошла боярская свита: «Перед конюшнею человек з боем, 10 лошадей простых в збруе, 6 лошадей в каптурах; а за ними з значком 1 человек, сурначик 1 человек, 2 человека литаврщиков, 6 человек трубачей, людей з боем 10 человек. А потом шли: сурначей 1 человек, сурначик 1 ж человек, литаврщик 1 человек, трубачев 6 человек, накрачеев 10 человек, с набатами 7 человек, людей з боем 17 человек». Далее следовала карета с полковым образом в окружении двенадцати царских стрельцов, за нею карета — опять «служба» князя В. В. Голицына на конях: «1 человек с копьем, 1 человек с рогатиною». Далее проследовало полковое знамя в окружении начальных людей полка и снова боярский человек на коне «з булавою» и, наконец, «шол» сам боярин. В этом строю было не менее двух десятков коней боярина и лошадей его свиты²⁶.

Набор коней разной масти был необходим знатному придворному, поскольку их выбор для выезда должен был соответствовать определенному случаю. Как заметил член голландского посольства 1676–1677 гг., московский двор оделся в траур по случаю смерти царя Алексея Михайловича, включая и цвет лошадей: «Затем последовали русские господа, раньше с нами ездившие, все одетые в черное, на лошадях, большей частью карих и вороных, с черными седлами и черными попонами»²⁷. Если масть лошади старались подбирать к траурному платью наездника, то и в других случаях придворный мог выбирать коня под цвет кафтана.

О цельном восприятии внешнего облика и поведения царедворца пишет в своем сочинении князь Б. И. Куракин. Вспоминая о годах регентства Софьи (1682–1689), он заметил, что тогда «политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго — и в экипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах»²⁸. «Политес», отличавший придворного от рядовых дворян, переносил основное внимание с богатства внешнего облика на манеру вести себя. Эта тенденция, заметная еще в царствование Федора Алексеевича, получила свое продолжение в годы регентства и отражала формирование при русском дворе человека нового типа. На смену знатности происхождения на первый план выходило благородство поведения. Особенности внешнего облика благородного человека должны были подчеркнуть уникальность его личности.

Состояние источников не позволяет утверждать, что интерес русских придворных к польскому «политесу» сопровождался глубоким усвоением новых идей. Но общее направление было задано. Деда и отцы следовали традиции, которая обеспечивала поддержание их социального статуса. В конце XVII в. их внуки и дети, напротив, искали особенного коня или карету, чтобы выделиться.

В 1678 г. новгородский воевода боярин князь Ю. М. Одоевский выпрашивал у властей подвластного ему монастыря жеребца, который, по слухам, был «зело ступист», а также лошадь «з звездинкой». Князь был готов заплатить за них сверх цены «с лишком», но только в том случае, если кони были действительно

исключительны, в противном случае, как заявил воевода: «...мне-де не надобь, и своих небылиц много»²⁹.

Среди опального имущества наиболее влиятельного боярина конца царствования Федора Алексеевича — И. М. Языкова находим коней, которых распродавали в 1682 г. по особенно высокой цене, по-видимому, по причине не только иноземного происхождения, но и редкой масти. В 200 руб. была оценена «пара немецких больших возников: мерин ворон, грива налево, звездочен, верхняя полгубы бела, 8 лет» и «жеребец ворон, звездочен, грива направо, 9 лет»³⁰.

Соревнование придворной знати по части лучшего конского выезда потребовало вмешательства самого государя. 28 декабря 1681 г. на этот счет последовал специальный царский указ. Надо думать, что его появление сразу после Рождества Христова было вызвано недавним соперничеством царедворцев во время праздничных выездов: «Бояром же в праздничные дни ездить в каретах и в санях на четырех лошадях, а где им доведется быть на сговорех и на свадьбах, им ездить на шести лошадях». Под «боярами» в данном случае понимались все думные люди, поскольку далее указ регламентировал выезд московских чинов: «спальником, и стольником, и стряпчим, и дворяном ездить в зимнее время в санях на одной лошади, а в летнее время верхами, а в каретах и в санях на двух лошадях вам никому не ездить»³¹.

Русские и иностранные наблюдатели внимательно следили, сколько лошадей каждый придворный запрягал в свою карету или сани. В 1678 г. член польского посольства отметил первостепенное влияние боярина князя Ю. А. Долгорукова, которое выражалось в том, что «он только один и имел право, как заметили мы в бытность нашего посольства в Москве, ездить четверней»³². В дальнейшем, в период регентства, боярин князь В. В. Голицын ездил в карете, запряженной шестеркой лошадей³³, что было запрещено указом царя Федора Алексеевича. Очевидно, насчет своего фаворита царевна Софья распорядилась иначе.

Государи жаловали своим придворным дорогих коней с царской конюшни, что воспринималось как завидная милость. Сподвижник Петра I князь Б. И. Куракин вспоминал на склоне дней, как еще в 1682 г. его отец получил назначение воеводой в Смоленск, а сам князь Борис Иванович тогда еще в чине спальника сопровождал его: «И на выезде в тот поход с Москвы, у Креста, по троецкой дороге мне припало великое несчастье: упал на скаку с иноходца, которой мне дан был с конюшни государевой. С которой спадчи, а одна нога в стремени завязла. И таскала аж пока сама стала, и так всю спину ободрала, аж той убой мне не пришел к самой смерти»³⁴. У царского спальника, конечно же, были и свои лошади, но завидная царская милость вынудила юного спальника пересесть на нового иноходца. Тут было много показного и потому важного для юноши, покидавшего Москву на глазах многочисленных знакомых.

Среди внешних отличий успешного царедворца конь занимал важное место по образцу Речи Посполитой, где в XVII в. сложился культ лошади и виртуозной верховой езды «рыцарства». Смысл поиска особенного коня для знатного

русского придворного замечательно выражен в письме 1686 г. стольника князя С. Л. Волконского из Москвы своему брату в Белгород: «Купи аргамаков молодых, а здесь, братец, аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь»³⁵.

В источниках русского происхождения красота выезда определялась не только ценой лошади, но и ее исключительностью. Редкая масть, особая стать и «ступистость» коня позволяли выделиться среди прочих. Кони иноземного происхождения в силу их редкости были в этом отношении весьма кстати.

В конце XVII в. русская знать заинтересовалась «политесом», новыми манерами придворных, целью которых было отделить себя от прочих дворян и тем более простолюдинов. Источником новых веяний был французский двор того времени, а в Россию они проникали главным образом через соседнюю Речь Посполитую. Отныне не столько богатство внешнего облика, сколько благородное поведение должно было стать отличительным признаком высокого придворного статуса. Утонченность манер предполагала выдающиеся личные качества придворных, что отражало формирование личности, характерной для Нового времени. Однако и на исходе XVII в. этот процесс в России был далек от завершения. Секретарь австрийского посольства Иоганн Корб, находившийся в Москве в 1698–1699 гг., заметил: «Дворяне царского двора вовсе не занимаются объездкой лошадей, фехтованием, танцами или какими-либо другими искусствами, в которых по нынешнему обыкновению стараются, из похвального честолюбия, отличать иноземцы. Москвитяне ничем подобным не дорожат»³⁶.

Приложение

Рукопись представляет собой тетрадь в кожаном переплете. Писана одним почерком, пометы — разными чернилами. На л. 1 почерком XIX в. написано: розрядные вязки № 539.

1679 июнь. — Книга записная лошадей боярина князя Василия Васильевича Голицына.

187-го книга записная дому боярина князя Василья Васильевича Голицына лошадям, коням и меринам, и иноходцам³⁷, и кобылам, и жеребяткам, каковы шерстью и приметы, и лета, и где у ково куплены, и от домашних кобыл переписки нынешняго 187-го году июня.

Конь сер с серьюго шереметевской.

Конь чалой лысой табунной прошлых табунов, с лысиною, грива направа, правее ухо резано, сросл, на левом боку лук. //

Мерин чалой Васильевской Мальцова, грива направо сросл³⁸.

Конь булан головинской, грива налево с отметом, в правом ухе жеребей вынет, на левом акороку прут, сросл.

Конь гнедой корноухой прошлых табунов, грива налево, уши резаны, на левом окороку лук, сросл.

Конь гнедой трубецковской, грива направо, на левой лопатке прут, на левом окороку крух, сросл.

Конь гнедопегой казанской, грива налево, правое ухо резано немного, сросл.

Конь карей резанской Радиона попа, грива налево, левое ухо порото, левая нозря порота, сросл.

Конь чюбарой резанской Радиона попа, грива направо, на ухе правом жеребей вырезан, сросл. //

Конь бурой стрешневской, грива налево, на левом окороку копыта да два прута, сросл.

³⁹Конь гнедопегой стрешневской, грива направо, сросл.

⁴⁰Конь серой жестокой прошлых табунов, грива налево с отметом, нозри пороты, ухо правое порото, сросл.

⁴¹Конь серой одинцовской, грива налево, на правом окороку лук с стрелюю, левой окорок зверь попортил, сросл.

⁴²Конь серой давлетовской⁴³ прошлых табунов, грива налево, ухо левое порото, на левом окороку лук, сросл.

Конь серой черногривой прошлых табунов, грива направо, правое ухо резано, на левом окороку капыто, сросл.

Конь серой калмыцкой прошлых табунов, грива направо, на левом окороку лук, сросл. //

Конь темносерой нагайской прошлых табунов.

Конь светлосерой нагайской прошлых табунов.

Мерин вороной борисовской.

Конь серой Петровской Быкова, грива налево, на левом окороку⁴⁴, девяти лет⁴⁵.

Мерин карь Боевской, грива налево с подпарины, осмии лет.

Конь гнед Боевской, грива направо, во лбу звезда, на губе бело, нозри пороты, на левой лопатке вилы, на шее прут, семи лет. //

Мерин вороной ромодановской, грива направо с отметом, во весь лоб лысина, на губе бело, десяти лет.

Мерин вороной домашней.

Мерин гнедой лыковской, грива налево, на правом окороку прут белой, сросл.

Конь вороной резанской попа Родиона, грива налево, на левом окороку капыта, десяти лет.

Конь саврасой стрешневской, грива направо.

Конь бур лысой прошлых табунов, грива налево, на левом окороку капыто с подпарины, сросл. //

Конь вороной корноухой стрешневской, грива направо, уши резаны, на левом окороку прут, девяти лет.

Конь вороной быковской⁴⁶.

Мерин игрен варсобинской, грива направо, ухо правое резано, лысина во лбу, губа⁴⁷.

Конь рыж резанской, грива налево, сросл. //

Прошлого 186-го году табунные нагайские.

Конь лысой рыжей, грива направо, ухо левое резано, во весь лоб лысина, на левом⁴⁸.

Конь соловой, грива направо с отметом, ухо правое порото, во лбу звезда, на левом окороку прут, пяти лет.

Конь серой, грива налево, на левом окороку прут, семи лет.

Конь темносерой, грива налево, на левом окороку прут, пяти лет⁴⁹.

Конь темносерой ж, грива налево, во лбу звезда, на левом окороку прут, шти лет. //

Конь серопегой, грива направо, левая нозря порота, шти лет.

Конь чюбарой, грива налево, ухо левое порото, правое резано, четыре лета, нозря левая порота.

Конь чюбарой, грива налево левая нозря порота⁵⁰, на левом окороку чашка, пяти лет.

Конь карей присылки из Астарахани Федора Петровича Салтыкова, грива налево, на левой⁵¹ лопатке колцо да крюк, шти лет⁵².

Мерин чюбарой бабинской, грива направо, осмии лет.

Мерин гнедой вяземской, грива направо с отметом, во лбу лысина, половина губы верхней и нижней белы, ноги все по щетку белы, сросла. //

Конь карь прошлых табунов, грива налево, ухо правое порото, нозри обе пороты, на правом окороку лук с стрелою, сросл.

В прошлом во 187-м году августа в 22 день куплены в табуне.

Конь пег шти лет, уши пороты, на левом окороку крюк, на верхней губе бо-родавка.

Конь темносер, пяти лет, левая нозря порота⁵³.

Конь гнед пяти лет, на левом окороку удела.

Конь буланопег четырех лет, правая нозря порота, на груди круг, на левом окороку прут.

Конь мухорт четырех лет, на левом окороку удела. //

Виноходцы.

Виноходец карей Бабкинской Барышников.

Виноходец гнед Леонтьевской Григорова.

Виноходец бур хованской.

Виноходец бур челищевской⁵⁴.

Виноходец бур же обрармовской, грива направо, во лбу лысинка, семи лет⁵⁵. //

Виноходец рыжей ромодановской, грива направо, во лбу звезда, на правом окороке крючик, взде колена чалинка, девяти лет⁵⁶.

Виноходец игрен уваровской, грива налево, звезда во лбу, осми лет⁵⁷.

Виноходец вороной стрешневской, грива направо, семи лет⁵⁸.

Виноходец вороной севской⁵⁹, климовской, грива направо, звезда во лбу, задья правая нога по щочку бела, а левой половина до копыта бела, сросла⁶⁰.

Виноходец вороной леонтьевской, грива направо, сросл⁶¹. //

Иноходцы.

Иноходец бурой хованской, грива направа, на левом окороку крюк, сросл.

Иноходец коур шереметевской, грива направо, правое ухо порото, левая нозря порота, осмии лет.

Иноходец гнедопег леонтьевской, грива налево, нозря правая порота, во лбу звезда, девяти лет. //

Мерины.

Мерин бур стесковской.

Мерин мухарт стесковской.

Мерин коур стесковской.

Мерин голуб мокшинской.

Мерин саврас мокшинской. //

Мерин в угнеде мухорт мокшинской.

Мерин коур с лысиною мокшинской.

Мерин карь помритской.

Мерин коур белоног, князь Ивановской.

Мерин коур белоног с пежинами, князь Ивановской. //

Мерин гнед, князь Ивановской.

Мерин гнед, стрешневской.

Мерин карь, стрешневской.

Мерин коур, стрешневской.

Мерин голуб, колбацкой. //

Мерин коур, колбацкой.

Мерин саврас колбацкой.

Мерин сер корноух, домашней.

Мерин коур, домашней⁶².

Мерин игрен домашней⁶³. //

Мерин саврас, домашней.

Мерин мухорт, помритской.

Мерин рыж, колбацкой.

Мерин сер, украинской.

Мерин солов днепровской. //

Мерин карь, днепровской.

Мерин рыж домашней.

Мерин булан стрешневской.

Мерин игрен стрешневской.

Мерин карь днепровской. //

Мерин карь днепровской.

Мерин коур арзамаской.

Мерин карь боевской.

Мерин мухорт князь Ивановской.

Мерин гнед стрешневской. //
 Мерин гнед князь Ивановской.
 Мерин темносер, князь Ивановской.
 Мерин вороной, князь Ивановской.
 Мерин голуб стексовской.
 Мерин голуб стексовской же. //
 Мерин рыж стексовской.
 Мерин ворон мокшинской.
 Мерин гнед мокшинской.
 Мерин карь стексовской.
 Мерин карь, князь Ивановской. //
 Мерин гнед помритцкой.
 Мерин гнед мценской.
 Мерин рыж стрешневской.
 Мерин рыж колбацкой.
 Мерин рыж прохоровской. //
 Мерин саврас московской.
 Мерин коур, что карла ездит. //
 Кобылы.
 Кобыла серая нагайская.
 Кобыла серая домашняя.
 Кобыла тесносерая домашняя.
 Кобыла голуба домашняя.
 Кобыла каря домашняя. //
 Кобыла ворона домашняя.
 Кобыла бура домашняя.
 Кобыла бура украинская.
 Кобыла чала домашняя.
 Кобыла каря днепровская. //
 Кобыла булана днепровская.
 Кобыла бура костромская.
 Кобыла чала домашняя.
 Кобыла каря домашняя.
 Кобыла каря сосун домашняя. //
 Жеребят.
 Жеребец карь варсобинской.
 Жеребец рыж лысой.
 Жеребец гнедой домашней.
 Жеребец карь домашней.
 Жеребец ворон домашней. //
 Жеребец голуб домашней.
 Жеребец гнед.

Жеребец голуб сосун.
 Жеребец голуб⁶⁴.
 Жеребец игрен варсобинской.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. № 2314. Л. 1 — 16 об. Подлинник

- ¹ *Раздорский А. И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011.
- ² *Денисова М. М.* Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 247–304; *Шатило Б. Л.* 1) Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 170–184; 2) Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 74–79; 3) Церемониальность конского выезда в русской культуре XVI–XVII вв. в представлении современников // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. М., 2017. С. 333–348.
- ³ Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник Императорского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 8. Смесь. С. 24.
- ⁴ *Маржерет Ж.* Состояние российской империи. М., 2007. С. 150–151.
- ⁵ Сказания современников о Дмитрии самозванце. СПб., 1834. С. 63–64.
- ⁶ Сочинения царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М., 1997. С. 507.
- ⁷ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. М., 1906. С. 157.
- ⁸ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 81–82.
- ⁹ Там же. С. 82–83.
- ¹⁰ Дневник Михаила Обуховича, стражник Великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве с 1660 года. Киев, 1862. С. 36.
- ¹¹ *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 335, 352.
- ¹² См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб., 2008. С. 52–57, 65–70 и др.
- ¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13218, 13219.
- ¹⁴ Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Д. 2070. Л. 6.
- ¹⁵ На смотре 1670 г. он сказал за собою 384 двора, а на службу за ним выступят «три лошади простых, сам на четвертой лошади, людей с ружьем четырнадцать человек» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб 447. Столпик 3. Сст. 3).
- ¹⁶ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. С. 26.
- ¹⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁸ Там же. С. 23.
- ¹⁹ См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 273–276.
- ²⁰ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 45–46.
- ²¹ Там же. С. 108.
- ²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16802.
- ²³ Московская деловая и бытовая письменность. М., 1968. С. 26.
- ²⁴ Опубликована: *Седов П. В.* Опись гардероба боярина князя Василия Васильевича Голицына // Россия XV–XVII столетий. Волгоград; СПб., 2001. С. 267–282.
- ²⁵ 10 июля 1679 г. князя В. В. Голицына вызвали во дворец из его дома на Тверской улице, а 15 августа того же года он присутствовал за столом патриарха (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб 563. Столпик 2. Сст. 120; Стб 570. Сст. 319–320). О присутствии князя В. В. Голицына в Москве в 1679 г. свидетельствует и его руководство Судным Вла-

- димирском приказом (*Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 172).
- 26 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского ст. Стб 580. Ст. 864–867.
- 27 Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Рязань, 2008. С. 443.
- 28 *Куракин Б. И.* История о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694 // Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцией М. И. Семевского. М., 1890. С. 50.
- 29 *Седов П. В.* Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 149–150.
- 30 Восстание в Москве 1682 г.: Сборник документов. М., 1976. С. 33–34.
- 31 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. II. № 902.
- 32 *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 128.
- 33 J. G. Sparwenfeld's diary of a journey to Russia 1684–87 / Ed., transl. and with a commentary by U. Birgegård. Stockholm, 2002. P. 221.
- 34 Жизнь князя Бориса Ивановича, им самим описанная. 1676–1709 // Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцией М. И. Семевского. М., 1890. С. 246.
- 35 *Волконская Е.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 626.
- 36 *Корб И. Х.* Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 221.
- 37 *В ркп* и иноходцам *дописано над строкой.*
- 38 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 39 *На правом поле:* +
- 40 *На правом поле:* +
- 41 *На правом поле поставлена точка.*
- 42 *На правом поле поставлена точка.*
- 43 *В ркп* тавлетевской *исправлено на давлетевской.*
- 44 *В ркп* оставлено место для 8–10 букв.
- 45 *В ркп на левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 46 *В ркп на левом поле приписано:* Отдан в Подмоклое приказщику.
- 47 *В ркп так.*
- 48 *В ркп так.*
- 49 *На правом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 50 Левая нозря порота *написано над строкой вместо зачеркнутого:* на передней и на левой лопатке колцо да круг, шти лет.
- 51 На левой *написано над строкой вместо зачеркнутого:* на правой и на левой.
- 52 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 53 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 54 *На правом поле приписано:* отдан.
- 55 *На правом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 56 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 57 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 58 *На левом поле приписано:* князя Алексея Васильевича.
- 59 *В ркп* Севской *дописано над строкой.*
- 60 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 61 *На левом поле приписано:* князь Алексея Васильевича.
- 62 *На левом поле приписано:* князя Алексея Васильевича.
- 63 *На левом поле приписано:* князя Алексея Васильевича.
- 64 *В ркп* *написано:* гоб.

References

- Chastnaya perepiska knyazyaya Petra Ivanovicha Hovanskogo, ego sem'i i rodstvennikov. M., 1906.
- Denisova M. M. Konyushennaya kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI–XVII vekov // Gosudarstvennaya Oruzhejnaya palata Moskovskogo Kremlya. M., 1954. S. 247–304.
- Dnevnik Mihaila Obuhovicha, strazhnik Velikogo knyazhestva Litovskogo, pisannyj v plenu v Moskve s 1660 goda. Kiev, 1862.
- Korb I. H. Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo // Rozhdenie imperii. M., 1997.
- Kurakin B. I. Gistoriya o care Petre Alekseeviche. 1682–1694 // Arhiv knyazyaya F. A. Kurakina, izdavaemyj im pod redakcieyu M. I. Semevskogo. M., 1890.
- Marzheret Z. Sostoyanie rossijskoj imperii. M., 2007.
- Mejerberg A. Puteshestvie v Moskoviyu // Utverzhdenie dinastii. M., 1997.
- Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost'. M., 1968.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1830. T. II. № 902.
- Posol'stvo Kunraada fan-Klenka k caryam Alekseju Mihajlovichu i Fedoru Aleksevichu. Ryazan', 2008.
- Razdorskij A. I. Konskaya trgovlya Moskvu v XVII veke (po materialam tamozhennyh knig 1629 i 1630 gg.). M., 2011.
- Rejtenfel's Y. Skazaniya svetlejšemu gercogu Toskanskomu Koz'me tret'emu o Moskovii // Utverzhdenie dinastii. M., 1997.
- Sedov P. V. Zakat Moskovskogo carstva: Carskij dvor konca XVII v. SPb., 2008.
- Sedov P. V. Opis' garderoba boyarina knyazyaya Vasiliya Vasil'evicha Golicyna // Rossiya XV–XVII stoletij. Volgograd; SPb., 2001. S. 267–282.
- Tanner B. Opisanie puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 g. M., 1891.
- Shapiro B. L. Loshadi "gosudareva sedla" v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2016. N 4 (24). S. 170–184.
- Shapiro B. L. Tekstil'noe konskoe ubranstvo v sisteme atributov carskoj vlasti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 1. S. 74–79.
- Shapiro B. L. Ceremonial'nost' konskogo vyezda v russkoj kul'ture XVI–XVII vv. v predstavlenii sovremennikov // Tvorcheskoe nasledie A. A. Zimina i sovremennaya rossijskaya istoriografiya. M., 2017. S. 333–348.
- Vosstanie v Moskve 1682 g.: Sbornik dokumentov. M., 1976.
- Zhizn' knyazyaya Borisa Ivanovicha, im samim opisannaya. 1676–1709 // Arhiv knyazyaya F. A. Kurakina, izdavaemyj im pod redakcieyu M. I. Semevskogo. M., 1890.

Список источников и литературы

- Восстание в Москве 1682 г.: Сборник документов. М., 1976.
- Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 247–304.
- Дневник Михаила Обуховича, стражник Великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве с 1660 года. Киев, 1862.
- Жизнь князя Бориса Ивановича, им самим описанная. 1676–1709 // Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцией М. И. Семеvского. М., 1890.
- Корб И. Х. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997.
- Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694 // Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцией М. И. Семеvского. М., 1890.
- Маржерет Ж. Состояние российской империи. М., 2007.
- Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997.
- Московская деловая и бытовая письменность. М., 1968.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. II. № 902.
- Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Рязань, 2008.
- Раздорский А. И. Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011.
- Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Tosканскому Козьме третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997.
- Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб., 2008.
- Седов П. В. Описание гардероба боярина князя Василия Васильевича Голицына // Россия XV–XVII столетий. Волгоград; СПб., 2001. С. 267–282.

Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891.

Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. М., 1906.

Шапиро Б. Л. Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 170–184.

Шапиро Б. Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 74–79.

Шапиро Б. Л. Церемониальность конского выезда в русской культуре XVI–XVII вв. в представлении современников // Творческое наследие А. А. Зимины и современная российская историография. М., 2017. С. 333–348.

J. G. Sparwenfeld's diary of a journey to Russia 1684–87 / Ed., transl. and with a commentary by U. Birgegård. Stockholm, 2002.

**П. В. Седов. «Аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь»
(конюшня московского придворного XVII в.)**

Статья посвящена значению конского выезда в придворном быту Московского государства XVII в. Автор вводит в научный оборот домашнюю опись лошадей боярина князя Василия Васильевича Голицына 1679 г., опубликованную в приложении к статье.

Соперничество русской знати по части красоты и богатства конского убранства было одним из проявлений формирования придворного общества в России во второй половине XVII в. Новый тип поведения европейского придворного, для которого демонстрация богатства сопровождалась утонченностью поведения, уже проникал в жизнь русской знати. Однако, как показывает автор, в XVII в. этот процесс едва начинался.

Ключевые слова: Россия XVII в., придворное общество, боярин князь В. В. Голицын, коневодство.

**P. V. Sedov. “Horses are in Honor, and bring us to Honor”
(stable at the 17th century Russian court)**

The article deals with the importance of horse riding in the court life of the 17th century Moscow state. The author introduces into the academic discourse the home inventory of the horses of the boyar prince Vasily Vasilyevich Golitsyn, made in 1679. The inventory is given in the appendix to the article. Rivalry of the Russian nobility in terms of beauty and wealth of horse decoration was one of the manifestations of the court society formation in Russia in the second half of the XVII century. A new type of behavior of the European courter, for which the demonstration of wealth was accompanied by the refinement of behavior, was already penetrating to the life of the Russian nobility. However, as the author demonstrates, in the XVII century the process was at the very beginning.

Key words: XVII-th century Russia, court society, boyar prince V. V. Golitsyn, horse breeding.

Седов Павел Владимирович — д. и. н., заведующий Отделом древней истории России СПбИИ РАН, sedovpv@rambler.ru

Sedov, Pavel Vladimirovich — Doctor of Sciences (History), Head of Medieval Russian history Division of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sedovpv@rambler.ru